37. *Stendhal*. Correspondance (1800–1805). Tome I / Stendhal; Établissement du texte préface par Henri Martineau. – Paris : Le Divan, 1933. – 378 p.
38. *Stendhal*. Vie de Henry Brulard / Stendhal. – Paris : Gallimard, 1973. – 502 p.

Надійшла до редколегії 15.05.2017 р.

УДК 821.111–32.091

О. Р. Посудиевская

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ВАРИАНТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Р. КИПЛИНГА: АНГЛИЙСКАЯ И АНГЛО-ИНДИЙСКАЯ ПРОЕКЦИИ («ПИСЬМА МАРКА», 1887–1888)

Розглянуто цикл оповідань Р. Кіплінга «Листи Марка» (1887–1888), написаних під час подорожі письменника Раджпутаною – екзотичною індійською територією, що знаходилася під протекторатом Британської корони. Особливу увагу надано специфіці втілення проблеми зустрічі/зіткнення «свого» та «чужого» в образах головних героїв – англійського мандрівника, який прибув з метрополії, та оповідача англо-індійського походження.

Ключові слова: екзотична індійська реальність, історико-культурна спадщина, практично-утилітарне світовідчуття, взаємодія «свого» та «чужого».

Рассмотрен цикл рассказов Р. Киплинга «Письма Марка» (1887–1888), написанных во время поездки писателя по Раджпутане – экзотической индийской территории, которая находилась под протекторатом Британской короны. Особое внимание уделено специфике воплощения проблемы встречи/столкновения «своего» и «чужого» в образах главных героев – английского путешественника, прибывшего из метрополии, и рассказчика англо-индийского происхождения.

Ключевые слова: экзотическая индийская реальность, историко-культурное наследие, практично-утилитарный взгляд на мир, взаимодействие «своего» и «чужого».

The article investigates R. Kipling's cycle of stories *Letters of Marque* (1887–1888), which were written during the author's trip along Rajputana – an Indian territory, being under protectorate of the British Crown. Special attention is paid to the peculiarities of embodiment of the problem of encounter of the «own» and the «alien» in the images of the English traveler from the home country and the narrator of Anglo-Indian origin.

The writer creates in his stories an exotic Indian reality where the rich historical and cultural heritage co-exists with the achievements of scientific and technological progress of the XIX century. At first, the English traveler, being a typical representative of the «new» pragmatic society, is a complete stranger for the Indian environment. However, in the process of acquaintance with unusual «alien» surroundings, he begins to realize the value of treasures of the past and the importance of their preservation in the modern world. Suddenly, his speculations begin to coincide with the conclusions of the narrator, for whom India is a native land and the «own» environment.

Keywords: exotic Indian reality, historical and cultural heritage, practical and utilitarian worldview, interaction of the «own» and the «alien».

«Я был новым учеником в большой школе» – так охарактеризовал Редьярд Киплинг свою работу в газете «Пионер», в штат сотрудников которой его приня-

© О. Р. Посудиевская, 2017

ли в 1887 году [4]. После пятилетнего срока пребывания на должности «вице-короля» (Viceroyalty) «Гражданской и военной газеты» (Киплинг был одновременно и репортером, и помощником главного редактора), писатель был вынужден приспособиться к иной специфике работы: владелец «Пионера» посылал его в поездки по всей территории Индии для составления репортажей «о шахтах, мельницах, заводах и т.д.» [4]. Ведь, как впоследствии признавался сам Киплинг, его работодатель боялся смелых и часто колких замечаний начинающего автора, комментирующих злободневные темы (часто в стихотворной форме), а поэтому «для большей безопасности» следил за тем, чтобы новый сотрудник «проводил больше времени в путешествиях, а не в редакторском кресле» [4]. Впрочем, новые условия работы оказали благотворное воздействие на творчество Киплинга, так как во время поездок он познакомился с огромным количеством людей – «светлокожих, темнокожих, мулатов», которые делились «историями из своей жизни» [6]. Результатом общения становится написание многочисленных произведений – 120 рассказов, вошедших в сборник «Простые рассказы с гор», пьеса «История Гетсбая», повесть «Захолустная комедия» и сборник стихов: «Мое перо взялось за дело, а я с большим восхищением наблюдал, как оно писало для меня до глубокой ночи» [4].

Необычный всплеск гения писателя проявляется уже в начале его работы в «Пионере» – в связи с первым поручением составить серию репортажей о Раджпутане – территории, на которой располагались туземные княжества Индии, управляемые наследными принцами, но находившиеся под протекторатом Британской короны. Раджпутана, с ее многочисленными историческими памятниками, казалась Киплингу неким символом ушедшей эпохи – «домом тысяч легенд и великим военным лагерем Индии», хранящим загадки и тайны прошлых времен, пробуждая способность к фантазированию и творчеству [6]. Экзотическое индийское пространство, где «в течение шести дней невозможно было увидеть ни единого белого лица» и «можно было забыть о существовании газетно-телеграфного мира» [6], похоже, очаровало начинающего писателя красотой старинных дворцов и величественных древних сооружений. Неудивительно, что при описании увиденного Киплинг отходит от привычной, регламентированной (и, казалось бы, ожидаемой по условиям его работы) формы официального репортажа о реальных фактах и событиях. Вместо этого появляется 19 рассказов о мире Раджпутаны, названных автором «Письма Марка» (*Letters of Marque*).

Данное название примечательно само по себе. Ведь «Letters of Marque» – это, на самом деле, «каперские письма», или «каперские свидетельства» (полное название «Letters of Marque and Reprisal») [5]. Как известно, такие документы выдавались правительством государства владельцам частных судов в качестве разрешения на беспрепятственное нападение на корабли тех стран, с которыми велась война. Таким образом, наличие каперского свидетельства легализовало «морское партизанство», которое во многих случаях превращалось в обыкновенный морской разбой и «…фактически ставило пиратов в рамки закона» [1]. Не удивительно, что в исследовании по истории морского пиратства каперов (или приватиров) причисляют к пиратам, наравне с буканьерами и корсарами [1].

Название серии рассказов Киплинга указывает на ту роль, которую выбирает автор для главного героя этих небольших произведений, – «пират», выбравший жизнь вне цивилизованного общества, захватчик чужих владений, но действующий на законных основаниях. В рассказах представителем группы «захватчиков», для которых «Индия является добычей» [3], становится англичанин (the Englishman), который покидает цивилизованный мир ради путешествий по экзотическим для европейца странам – Японии, Сингапуру, Цейлону и Раджпутане. По мнению некоторых исследователей, в образе «дерзкого странника» Киплинг воплощает самого себя [2], что, в некоторой степени, является правдой.

Как признается писатель в письме двоюродной сестре Маргарет Берн-Джонс, с ноября 1887 года «…я являюсь скитальцем по всему миру» [6]. Впрочем, Киплинг тут же добавляет, что за «распутное бродяжничество» по «некоторым из самых прекрасных и старинных мест на Земле» он получает 600 рупий в месяц и возмещение дорожных расходов [6].

В рассказах «распутный бродяга» оказывается «заядлым путешественником» (Globe-trotter), увлекающимся орнитологией, для которого посещение новых мест – своеобразное хобби и приятное времяпровождение [3]. Однако если человек «проходит царства за считанные дни и пишет книгу о них за неделю» (как с иронией отмечает автор), «опьянение успехом» от кажущегося «быстрого внедрения в новую среду подталкивает его к слишком поспешным суждениям», а его сознание, которому была дана «абсолютная свобода», перестает постигать реальную ситуацию уже через месяц [3]. Действительно, «заядлый путешественник» может по памяти рассказать коренному населению, когда через их местность проходит следующий поезд, и он знает лучше, чем местные жители, когда каждая область Индии стала вассалом Британской короны. Он «изучает» каждый город, перед тем как «проехать сквозь него в следующее место назначения», но благополучно «забывает или, что еще хуже, – путает факты, которые узнал», и, в конце концов, «жалостливо просит путеводитель по Индии…который дает самые простые описания… без путаницы» [3].

Тем не менее «заядлый путешественник» – не единственный главный герой рассказов. Уже в самом начале первого «письма» читатель ощущает присутствие другого персонажа – рассказчика, который имплицитно участвует в событиях сюжета и постоянно комментирует действия, чувства и эмоции «англичанина». Его происхождение и роль в рассказах становится очевидной, благодаря многочисленным репликам героя: «мы в Индии», «мы в этой стране», «можем ли мы удивляться…?», «с англо-индийской точки зрения» [3]. Как видим, это представитель англо-индийского общества, проживший в Индии всю свою жизнь, для которого экзотическая индийская реальность стала родной, т.е. «своей». Как признается герой, «мы» (т.е. англо-индийцы) «проживаем в большинстве случаев вдали от железной дороги» и «не путешествуем ради собственного удовольствия», в отличие от английских туристов, которые, в конце концов, выбирают «хорошо изученные и проверенные маршруты» [3]. Именно рассказчик, трепетно относящийся к историко-культурному наследию своей родины, повествует читателю о великолепии Тадж-Махала – «вздоха, запечатленного в камне» и «воплощении всего самого чистого, самого священного и самого несчастного»; об изяществе храма Кали – «шедевра искусства инкрустации и мраморного рисунка»; о пышности дворца в Амбере, чье «королевское величие радует взор» [3].

Возвышенно-поэтическому восприятию красоты окружающего мира Киплинг тут же противопоставляет иной взгляд на действительность. Так, автор с грустью отмечает, что знаменитые индийские цари прошлого «явно не ожидали» прихода «британского туриста, вооруженного путеводителем и шляпой от солнца» – прагматичного представителя викторианского общества, чье бесцеремонное вторжение разрушает романтичную атмосферу, созданную «историями о любви и ненависти, о заговорах, происходивших много столетий назад» [3]. Контраст между мирочувствованием, обладающим видением прекрасного, и утилитарно-практичным взглядом на мир проявляется особенно ярко уже в первом рассказе, где, помимо рассказчика и «заядлого путешественника», появляется третий герой. Это юноша из Манчестера – типичный молодой викторианец конца XIX века, полностью воспринявший концепцию получения максимальной выгоды и удовольствия от любого события: «…казалось, что он проживает свою жизнь, будучи «очень довольным» по поводу абсолютно всего» [3]. Стремясь попасть домой к Рождеству после совершения кругосветного путешествия, герой реша-

ет «просмотреть Индию» (do India) за десять дней [3]. Как герой объясняет «заядлому путешественнику», он был «очень доволен» посещением Агры, «очень доволен» посещением Дели и… «очень доволен» посещением Тадж-Махала» [3] – последнее кажется «наибольшим осквернением» с точки зрения рассказчика, хотя вполне ожидаемо от представителя потребительского общества. Ведь молодого буржуа при посещении исторических мест заинтересовали вовсе не памятки архитектуры, а сувениры, которые герой решает подарить родственникам и друзьям как предметы «истинно восточной» экзотики: «он покупал шали и вышитые изделия под звон определенного количества рупий… а при покупке драгоценностей звон рупий был иной» [3]. Поэтому умозаключение юноши о своем путешествии не кажется удивительным: «…Индия – «великое место», потому что здесь можно купить много вещей» [3]. Логичное в данной ситуации желание героя поскорее попасть домой – очередной повод для авторской иронии: «приятно играть в туриста», но для того чтобы полностью прочувствовать «дух путешествия», необходимо также «спешить домой на Рождество» [3].

Особенности «нового» взгляда на мир раскрываются еще полнее, когда молодой герой знакомится с ирригационной системой в Индии – при вращении колеса упряжкой волов, идущих вверх и вниз по наклонной поверхности. Особо не стремясь разобраться в этом процессе и, более того, будучи уверенным, что хозяева просто заставляют животных «упражнять мышцы», юноша замечает со свойственным ему практицизмом, что волам «лучше бы ходить по ровной поверхности», подобно лошадям в Англии, когда их тренируют [3].

Комментарии, следующие за этим эпизодом, в полной мере отображают негодование рассказчика по поводу «очевидного безумия» «гостя из холодной страны», создавшего «завершенную концепцию тренировки волов на Востоке» всего лишь после тридцатисекундного наблюдения [3]. Какие еще факты индийской реальности «необыкновенно самоуверенный» «культурный наблюдатель» из метрополии мог бы «исказить, перевернуть и изуродовать»? [3] Неудивительно, что даже Тадж-Махал представлен в английском путеводителе довольно скромно – «благородное сооружение» [3]. Ведь памятники древней культуры не представляют никакой практичной ценности, поэтому прекрасные старинные дворцы, храмы и усыпальницы стоят разрушенными, а рядом с фрагментами мощеных дорог древности строят каменные мостовые, залитые бетоном. И только «умный» турист при посещении достопримечательностей сможет осознать «лишь в малой степени», какой «распутной, пышной и кровавой» была жизнь в Индии, до того как «наши губернаторы и вице-губернаторы… положили ей конец» [3].

По мере прочтения рассказов читатель все больше ощущает, как «старая» индийская культура неумолимо отступает под натиском «нового» жизненного уклада. К примеру, знаменитый Джайпур, воспетый в многочисленных легендах «о могуществе и мошенничестве, хитрости, безнадежной любви и еще более безнадежной мести», похож на вполне современный город с газовым освещением, «обладающий многочисленными отличительными особенностями английских городов» [3]. Киплинг с грустью отмечает, что результатом перестройки города стал видимый «поразительный контраст» между «старым» и «новым», когда «зловеще старые» дома соседствуют с новостроем, а памятка старины и чудо архитектуры превращается в «огромный, практичный объект для насмешек», оснащенный лучшими удобствами, «необходимыми для благосостояния западного общества» [3]. Более того, как показывает автор, коренные жители Индии также попали под влияние «нового» практично-утилитарного мирочувствования, ранее характерного только для европейского общества. «Современные» индийцы стали «корыстными» и «меркантильными», их желание получить материальную выгоду уже не уступает стремлению к прибыли, свойственному их завоевателям: когда они пристают к путешественникам с предложением своих услуг, «от них

очень трудно отделаться», а когда индиец выполняет работу гида, то «стремится содрать максимальную оплату» с туриста [3].

Прогноз Киплинга по поводу перспективы развития англо-индийского, как впрочем, и викторианского общества, на первый взгляд, пессимистичен: победа «нового» мирочувствования, основанного на прагматичном и утилитарном подходе к действительности, кажется неоспоримой. Тем не менее, как показано в рассказах, даже у практичных представителей общества конца XIX века все еще сохраняется желание выйти из рамок цивилизованного мира, где отношения между людьми основаны на материальных соображениях. Ведь, на самом деле, английский герой решает «полностью пожертвовать самоуважением» и терпеть «огромные личностные неудобства» для того, чтобы «хоть ненадолго» вырваться за пределы «старой и хорошо известной жизни», в которой «парламентарии и их заместители, губернаторы и вице-губернаторы, адъютанты, полковники и их жены…правят и управляют, ссорятся и дерутся, продают лошадей друг другу и рассказывают дурные истории о соседях» [3]. И хотя рассказчик уверен, что «беспардонного» «заядлого путешественника» невозможно «научить почтительному отношению» к памяткам старины, английский турист внезапно открывает для себя красоту древних строений. Так, Тадж-Махал – «благородное сооружение» из путеводителя – на его глазах преображается, «принимая сотни новых форм», причем «каждая из них была идеальной и не поддавалась описанию» [3]. Несмотря на первоначальную попытку объяснить эту удивительную трансформацию игрой солнечного света, проникающего через утренний туман, англичанин, в конце концов, поддается очарованию этого старинного здания, которое казалось «наполненным скорбью» мужчины, построившего его для любимой женщины [3]. Прагматичный представитель викторианского общества неожиданно для себя «дает клятву, что никогда не подойдет ближе» к Тадж-Махалу, опасаясь «разрушить чары», исходящие из «неземного строения» [3].

Выявляя богатство и красоту памятников индийской старины, английский герой начинает ощущать узость утилитарно-практичного взгляда на мир современного ему общества, которое не выявляет интерес к «ненужному» историко-культурному наследию прошлых времен, не зная о том, что, к примеру, «добрые американцы», построившие свои города по принципам постройки древних индийских поселений, просто «поставили это достижение себе в заслугу» [3]. Так, после знакомства с величественными залами полуразрушенного дворца в Амбере «заядлый путешественник» «возвращается в девятнадцатое столетие» – посещает здание, где находится хлопковый пресс махараджи, которое оказывается вполне современным строением, поддерживаемым в идеальном состоянии. И хотя англичанин, чье практичное мирочувствование сразу же отмечает высокую прибыльность предприятия (27 %), по логике должен был ощутить удовлетворение от возвращения в цивилизованный мир, этого не происходит. Напротив, герой замечает, что последнее достижение научно-технического прогресса «почему-то не производит благоприятного впечатления после Амбера», чья монументальность, тишина и заброшенность воздействуют на сознание «гораздо больше, чем одиночество на суше или на море» [3]. Представитель технократического общества внезапно ощущает агрессию, исходящую от, казалось бы, обыденных явлений, наблюдаемых при стандартном технологическом процессе, – шума двигателей пресса и запаха необработанного хлопка. В конце концов, англичанин приходит к выводу о том, что «современные и старинные районы Джайпура нельзя соединять» [3]. В этом умозаключении точка зрения «заядлого путешественника» неожиданно совпадает с позицией его антагониста – рассказчика. Таким образом, в данном эпизоде как бы происходит слияние двух ипостасей, выбранных автором для выражения своих идей, – английского туриста и местного жителя англо-индийского происхождения.

«Письма Марка» – не единственное произведение, где писатель использует образ «заядлого путешественника». Как известно, незадолго до появления рассказов Киплинг выпускает серию очерков в форме писем английского туриста, путешествующего по Индии («Об Индии», 1887), в которых дает критическую оценку способу жизни англо-индийского общества, используя «взгляд со стороны». Тем не менее в «Письмах Марка» проблематика усложняется: автор не просто иронизирует по поводу общественного развития англо-индийцев. Так, помещая в экзотическую индийскую среду «чужака» – «цивилизованного англичанина», испытывающего разочарование из-за «отсутствия многочисленных экипажей», приезжающих по его приказу в метрополии [3], писатель уникальным образом сталкивает «свое» и «чужое». Историко-культурное наследие прошлого переплетается с современностью, а героическая эпоха правления знаменитых индийских царей, овеянная романтическим ореолом, описывается в контрасте с эпохой научно-технического прогресса, постепенно внедряемого в индийскую реальность.

Как видим, английский герой решает покинуть цивилизованный мир (т.е. «свое») ради знакомства с ранее чуждыми для него экзотическими странами, одной из которых становится Индия. Безусловно, по отношению к индийской реальности представитель английского общества конца XIX века – не только «чужак», но и «захватчик», законно колонизирующий древнюю и некогда процветающую страну с многовековой историей и традициями (что, впрочем, и отображено в названии произведения). Тем не менее, в результате соприкосновения с «чужим» англичанин не только расширяет свой кругозор, но и осознает необходимость познания и понимания иной культуры. В отличие от молодого викторианца, приехавшего в английскую колонию с сугубо практичной целью (купить восточные сувениры для родственников), не проявляя ни малейшего интереса к богатому историко-культурному наследию страны, «заядлый путешественник» отходит от привычного для него утилитарного восприятия действительности и признает ценность памятников древней культуры. А некоторые выводы героя, ранее воспринимаемого как «чужака», внезапно становятся сходными с умозаключениями представителя англо-индийского общества, воспринимающего экзотическое индийское пространство как «свое».

Библиографические ссылки

1. Каперы, пираты, буканьеры, мароніры, флибустьеры, корсары // История морского пиратства. – 2007–2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.история-пиратов.рф/plugins/content/content.php?content.32

2. Freitag J. Letters of Marque by Rudyard Kipling / J. Freitag [Электронный ресурс].– Access mode: http://www.goodreads.com/book/show/8571832-letters-of-marque

3. Kipling R. Letters of Marque / R. Kipling // The University of Adelaide Library. – The University of Adelaide [Электронный ресурс]. – Access mode: https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/marque/index.html

4. Kipling R. Something of myself for my friends known and unknown / R. Kipling // Project Gutenberg of Australia eBook [Электронный ресурс]. – Access mode: http://gutenberg.net.au/ebooks04/0400691.txt

5. Letter of Marque // Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. – Access mode: https://en.wikipedia.org/wiki/Letter_of_marque – 27.01.2017

6. Letters of Marque – Intro / [ed. by David Page] [Электронный ресурс]. – Access mode: http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_marque_intro.htm – 04.07.2008

Надійшла до редколегії 10.03.2017 р.